

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА
ДЕВЯТЫЙ КРУГ УДАЧИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Соболева, Лариса Павловна.
С54 **Девятый круг удачи : роман / Лариса Соболева.** — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Она всегда с тобой. Детективы Ларисы Соболевой).

ISBN 978-5-17-119043-9

Способен ли выстоять человек против соблазна, если на него в один миг сваливается огромное богатство? Деньги — это возможность реализоваться, занять достойное место, это и уверенность в завтрашнем дне, и доступность всех благ, которые есть на земле, и уважение. Кто ж откажется от таких перспектив?

Герой данной истории не устоял, забыв старую истину: ничто — ни хорошее, ни плохое — не достается даром. Впрочем, плату три благодетеля потребовали сразу: отказаться от своего имени и фамилии, от прошлой жизни, от тех, кто дорог. Так Дима стал Артуром, бросил всех, включая любимую девушку, и в конце концов узнал, что явился важным эпизодом в чужом сценарии, узнал также, что дна ада реально достигнуть на пике удачи.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119043-9

© Л. Соболева
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть первая

Забудь... забудь... и откажись...

— Сегодня ты просто бесишь меня, — зло буркнула Клара, откинула одеяло и вскочила с постели. Но ей мало было сказанной фразы, она бросила вторую, пока еще мирную: — В состязаниях по занудству ты стал бы чемпионом.

Шелковый халатик висел на спинке кровати, она резко сдернула его и, не надевая, а держа в руке, прошла в угол к столику, стоявшему у противоположной стены рядом с балконной дверью. Налив в длинный бокал розового шампанского, Клара отпила глоток, после фыркнула:

— Ну и дрянь... Из какой кислятины это делают? Сколько раз говорить — я люблю полусухое? Мне плевать на производителя... Артур, ты слышишь?

А ему плевать на ее требования, упреки, жалобы, стоны, просьбы, слезы, как и на саму Клару наплевать. А посему лучшее, что он мог сделать, — ответить молчанием, тем самым не дать повода ей впасть в истерику. Это она способна на конкурсе самых противных баб не только титул чемпионки хапнуть легко, но и зарабатывать на мастер-классах в данной категории. Однако в заработках она не нуждается, а жаль, занялась бы чем-нибудь полезным вместо пилинга мозгов — чужих, разумеется, конкретно — его.

Клара обернулась и от увиденной картинке горькая усмешка задержалась на ее губах, усмешка обиды и разочарования. Артур полулежал на подушках, скрестив на груди руки, и смотрел в сторону, а там — стена без каких-либо украшательств; выглядел он хмурым, наверное, думал о неприятных вещах. Но какое дело Кларе до его неприятностей, по большей части они надуманны, да и вообще, проблемы есть у каждого, маленькие или большие — они есть всегда, не в спальнях же о них думать. Энергетический посыл исходил от нее мощный, он прочувствовал негативные биотоки и покосился на Клару, бросив вялым тоном:

— Оденься...

— А что тебе не нравится во мне?

Давненько перешагнувшая рубеж молодости Клара повернулась вокруг оси, бесстыдно показывая обнаженное тело со всех сторон. Нет, для тридцати семи выглядит она на все сто, да-да, на все сто тысяч баксов, истраченных на апгрейд экстерьера. Сказать, что деньги сделали ее бесподобной красавицей — это была бы бесовская ложь, фигура у нее... сойдет, а лисья мордочка заурядненькая, хотя пластический хирург старательно искромсал личико вдоль и поперек. Искусство хирурга плюс дорогая упаковка и — все вместе кое-как смотрится. Только чтоб из-за Клары не спать ночами, а днем сходить по ней с ума... даже слепой вряд ли станет, у слепых видение внутреннее, оно замечает то, что зрячим не всегда доступно.

— Просто не люблю, когда ходят голыми, — пробубнил он после небольшой паузы, переведя взгляд снова на пустую стену, там интересней.

Подумав, Клара решила не злить Артура, накинула халатик, но не завязала поясок на талии. Она раздёрнула тяжелые шторы, потом прозрачные занавески, от-

крыла балконную дверь, постояла немного. Видимо, ей хотелось вдохнуть свежего воздуха, тем самым охладить голову, иначе гаденыша Артурчика попросту прибьет, последнее время он регулярно напрашивается на взбучку. Да, она распускает руки, он тоже не остается в долгу, вот такая у них битая-разбитая love story.

Клара забрала со столика бокал с шампанским и вальяжной походкой (как придорожная шлюха — краем глаза оценил Артур) подошла к кровати, стала в ногах. М-да, у них что-то не клеится, она это понимала (он тем более). Однако вместо того чтобы искать причину и способ ее устранения, Клара подавляла раздражение, что плохо ей удавалось, а он... Он очень смазливый, моложе на целых восемь лет — фактически между ними пропасть! И как бы дамы бальзаковского возраста ни заверяли, будто разница в годах не имеет значения, она есть, черт ее возьми! И никакая пластика не сотрет границы, недостача юности и света — это внутри, в сердце, в глазах, на губах, отсюда желание взрослой дамы озорничать смотрится со стороны пошло, вульгарно. Клара все понимала. К этой пропасти имеется ядовитая добавка: бабы пачками вешаются на него — от соплячек до старых калош, убила бы их всех вместе с ним.

— Артур, что ты все время пялишься на стену? Там телевизор?

— Закрой балкон, — сухо сказал он. — Холодно.

И то правда, неласковый ветерок надувал тюлевую занавеску, совсем не препятствуя октябрьскому холоду, врывающемуся в спальню.

— А мне жарко! — огрызнулась она на манер дворовой собаки, живущей за забором на цепи и облаивающей прохожих. — Жарко! И душно.

Взглянув на нее, Артур опустил голову, лишь бы она не заметила, как противна ему, впрочем, он частенько

жалел ее, как жалеют убогонькое существо, появившееся на земле по ошибке. Но Клара не тупая, как ее гламурные подружки, она зоркая и успела заметить ледяные иглы в его очах, отчего завелась, перейдя на оскорбления:

— Ты меня не удовлетворишь!

Нет, все-таки она дура. Думает, таким образом нанесла удар по его мужскому самолюбию? Ха-ха-ха! — рассмеялся Артур про себя, но не вслух, он знал: смехом приведет в бешенство злую фурию, а оставить ее без ответа на этот раз неумоготу, ну, вот никак...

— Ты меня тоже, — вернул он бумеранг индифферентным тоном.

— Секс с тобой скучный! — выпалила она, заводясь.

Еще одно его слово — и начнется извержение, Клара предсказуема, как погода для синоптика. Он устал от сотрясений и настраивал себя на безмолвие, хотелось посмотреть, что из этого номера получится: сдуется Клара или все равно накрутит себя до бешенства? Если честно, ему по барабану все ее состояния, если б она сдохла в мучениях здесь и сейчас, ему тоже было бы наплевать, а может, он даже обрадовался бы...

Дзинь!.. Явно бокал разбился. Следом что-то как будто рухнуло на пол — что-то большое... Артур оторвал взгляд от стены и посмотрел прямо перед собой, туда, где стояла Клара — а ее нет. В прятки решила поиграть? «Идиотка», — подумал он. Вздохнув громко, что означало: как ты меня достала, как ты мне надоела, Артур промямлил:

— Клара, прекрати свои игрища, ты выглядишь глупо, не девоч...

Осекся на полуслове и одновременно вздрогнул, так как рядом на тумбочке взорвалась лампа — пах! Осколок стекла врезался в щеку, однако вынимать его было некогда, ведь неизвестно, какая следующая безумная идея

стукнет в неадекватную голову Клары. Артур скатился с кровати на пол и замер лицом вниз, гадая: чем это она по лампе? Сама по себе взорваться не могла. Конечно, всякое бывает, но сначала бокал разбился, потом лампа... нет, не случайно.

— Тулая дура, — неслышно процедил Артур, после чего громко крикнул: — Клара, твоими штучками я сыт по горло, ты уже перешла все границы... Клара!..

В спальне стояла тишина. Артур вспомнил о фишках любительницы дурацких приколов: сейчас как выпрыгнет с хохотом ведьмы, чего доброго — плясать станет, у нее точно не все дома. Он повернулся на спину, приподнялся на локтях и вдруг — тюк! Именно такой резкий и странный звук раздался возле уха, одновременно щепки от тумбочки отскочили в разные стороны, парочка мелких попала ему в шею. Артур оглянулся...

Мама дорогая! В дверце из карельской березы четкая дырка!

— Пуля? — выговорил потрясенный Артур и перекатился под кровать, к счастью, места там достаточно. — Клара, ты рехнулась?!

Теперь он услышал шорохи... суетливые... как будто на балконе шла некая возня... Конечно, там Клара готовится к очередному дебильному спектаклю, поэтому и дверь открыла. Ну, все, с него хватит!

Для начала он осторожно выглянул из-под кровати, чтобы определиться в расстановке сил и тактике боя. А то, что сейчас Артур старым воспитательным методом заедет ей и в глаз, и в ухо, и еще куда попадет кулак, — это неизбежно! Глаза пробежались по видимой части спальни — пусто, он перевел взгляд на балкон... вот тут у него реально зашевелились волосы.

На балконе чужак! Правда, видел Артур только плотную тень в темноте снаружи, да и то недолго, но по всем

параметрам тень мужская, и она, что называется, линияла! Кто это? Почему? Зачем? В следующий миг четкая мысль обожгла все тело: в Артура ведь стреляли! Но выстрелы... их он не слышал. Из чего стреляли-то? Не из рогатки же!

Мысль быстрее ветра, но и человек на балконе умел действовать с той же скоростью, и пока хозяин дома лихорадочно соображал, что тут произошло, чужак спрыгнул вниз. Следом Артур выполз на волю, на четвереньках быстро-быстро, словно гончая, достиг балкона — там никого не было.

Но ему не показалось, нет, не показалось, что стреляли! Он пока еще в своем уме, чтобы мерещилась чертовщина, к тому же есть подтверждение — пуля в дверце тумбочки, дырка на светлом фоне реальность, а не плод фантазии. И второе доказательство — осколок в скуле все еще торчал, Артур машинально вырвал его, отбросил, не глядя. А бокал? И его, наверно, тоже снесла неслышная пуля. Однако чьи это проделки? Да что тут думать: догадайся с одного раза.

— Клара, я тебя прикончу!

Она, она устроила представление, больше некому, в ней сдохла актриса больших и малых театров. Это же Клара переделась в мужика, пока Артур лежал и не смотрел в ее сторону, теперь линияет, потом будет ржать, как лошадь, и рассказывать подружкам с глянцевым мировоззрением, как напугала его, а те будут реготать. Они же не смеются, они громко регочут, открыв пасти во всю ширину и показывая разом наличие зубов.

Поднимаясь на ноги, одновременно поворачиваясь лицом к спальне, он собирался кинуться за мерзавкой (но сначала халат взять), догнать и наконец-то выместить всю свою «любовь». Отметелит по полной, чтобы

гадина залезла под корягу и месяц носа не высовывала оттуда!

Но Клара... Она никуда не делась, не слиняла. Клара разлеглась на полу спальни, имитируя обморок, будто цирк с бесшумными выстрелами придуман не ею, а исполнил его не сообщник. Артур двинул к телу, осатанев от злости и цедя сквозь зубы:

— Вставай! Знаешь, всему есть предел, твоим выходам тоже. Вставай! Ты хреновая лицедейка...

Остановился у тела Клары, мучительно преодолевая желание врезать ей, руки водрузил на пояс, чтобы как-то контролировать их — они же чесались! Она валялась на спине... Развалилась... Распласталась... Халат не прикрыл нагое тело, выглядела эта чужая по всем меркам женщина похабно. Артур смотрел в лицо с открытыми глазами и выжидал, когда Клара продаст себя, моргнув.

Прошла минута... вторая... Он присел и только тогда понял, что Клара, отравлявшая ему жизнь каждый божий день своим присутствием, редкая стерва, изворотливая хищница... мертва. Тут впору плясать от радости, но! С какого перепугу ей умирать? Да у нее здоровье и аппетиты во всех возможных сферах, как у бессмертных из фильмов фэнтези.

Из-под Клары, со стороны сердца, медленно выползла густая лужица... От увиденного по спине Артура пробежали мурашки, а во рту он ощутил привкус крови. Постепенно доходило: она не сама по себе скончалась, не инфаркт с инсультом ее убил, а кто-то другой... Человек на балконе?!

От ужаса Артур отшатнулся и, не удержавшись, упал на пятую точку. Его бросило сначала в жар, потом реально ощутил в жилах ледяной холод, по виску что-то потекло — это была струя пота, которую он вытер ладонью.

Артур отползал назад, подальше от трупа и от смерти.

— Как?.. Почему?.. Кто?.. — шептал он, с ужасом глядя на Клару. — Пуля... Так ее застрелили? Застрелили... Мы с ней были вдвоем... одни...

«Бежать!!!» — мысль ударила в лоб вопреки всякой логике...

Улицы пестрели огнями и былолюдно...

...хотя час пик давно прошел. Если свернуть с проспектов и бульваров в переулки, попадешь в глубокую темень, запросто ноги можно переломать, отважившись пройтись по неосвященной улочке. Но там, где кипит жизнь, в вечернее время все краски мира встречают горожан сверканием, а внутри Артура поселилась чернота, сверкающих красок он не замечал. Да и не понимал — куда идет, зачем. Обнаружил себя на одной из главных улиц города, только когда его несколько раз толкнули пробежавшие мимо прохожие, и остановился в недоумении. Артур не помнил, как здесь очутился, какой-то провал в памяти образовался, словно он больной психически.

— Чего стал посреди дороги? — бросил мужчина, обгоняя его.

Артур отошел к стене здания, с удивлением смотрел на людей — их так много! Поздний вечер, а народ мчится в обе стороны... Кстати! А сколько времени? Около девяти всего лишь, значит, как минимум часа два он «гулял». Но куда идти? Артур огляделся и двинул налево — там скоро будет поворот в сторону пешеходного бульвара, где осенью и зимой никогда не бывает по вечерам много народу, а посередине — длинный, вдоль всего бульвара, сквер. Артур лишний здесь, но и ему сейчас необходимо уединение, люди его пугали.

Действительно, на бульваре было тихо, лишь кое-где целовались на скамейках парочки, туманно светили кру-

глые фонарики... Похожие лампы стоят в его спальне на тумбочках, одна из них сегодня... вдребезги!

Стало душно, словно кислород перестал поступать в легкие, Артур дошел до пустой скамейки и, запахнув длинные полы пальто, уселся, потом и вовсе упал спиной на деревянную спинку, запрокинул голову. Нет, звезд не увидел, лишь черноту в вышине, подсвеченную матовыми фонарями, черноту, похожую на ту, что заполнила и его. Но и здесь сосредоточиться мешала музыка, она едва слышалась, тем не менее мешала.

Выпрямившись, Артур попал глазами на рекламный щит у входа напротив, его хорошо подсветили, одна из четырех фотографий манила к себе. Он поднялся и, как зомби, побрел к щиту. Это оказалось объявление под названием «Hand Made», внизу расшифровка: «Ручная работа», а еще ниже — фотографии четырех участниц, предоставивших свои работы и мастер-классы. Взявшись за массивную дверную ручку, Артур открыл дверь (музыка стала громче), с минуту он так стоял, не решаясь войти, и все же осмелился.

В большом зале, где по глазам ударил яркий свет, народу собралось довольно прилично, самого разного возраста и разного достатка, судя по одежде. Вдоль стен стояли застекленные стенды-витрины с работами, возле них толпились небольшие кучки людей, которые болтали между собой. Видимо, выставка подходила к концу, потому что все держали в руках стаканчики с шампанским, а шампанское обычно пьют в конце подобных мероприятий.

Артур искал глазами и нашел ту, которую хотел увидеть, очень хотел и давно, совершенно случайно он повернул на бульвар, заметил рекламу... или не случайно? В группе из двух женщин и одного мужчины она стояла у застекленных витрин под вывеской «Люсия-Lucia»,

была нарядной, праздничной, веселой и светилась, будто ее подключили к электричеству. Этот свет... Артур в своей среде не видел светящихся людей, а его окружают те, кто имеет все, что можно захотеть при жизни и купить. Смеясь, она пробежала глазами по залу, словно в поисках кого-то невидимого, кто вызвал внезапное беспокойство, и тут увидела его...

Полтора года назад...

...была весна. Ночь. Луна. И балкон. А на балконе она. И все в ней чарующе прекрасно: обнаженное тело с изгибами и выпуклостями, медленные движения и покачивания, похожие на ритуальный танец, тихое мурлыканье, плавные колыхания длинных волос. Она — молодость, та же весна, дыхание которой заползло в комнату, охлаждая все предметы, но не голову Димы. Откровение завораживало, смелость восхищала, впрочем, в столь поздний час Людочку никто не видел. Почему-то все с первой минуты знакомства с ней, словно по сговору, хотя этого не могло быть, называли ее Людочкой.

В тот весенний вечер она думала: ее никто не видит, кроме Димки, но он... ему можно смотреть. Да, пусть смотрит, какая грациозная Людочка, какие у нее гибкие руки, стройные ножки, тонкая талия, плавно переходящая в бедра, волнистые волосы, достающие до талии, ими нежно играет шаловливый ветерок... А грудь! Это объект черной зависти: по silicon, кругленькая и третьего размера, а не минус два.

Пусть, пусть смотрит Димка и помнит, что лучше Людочки нет на свете. А чтобы он хорошо рассмотрел и запомнил, она, подняв руки вверх, медленно и плавно раскачивалась на балконе в свете луны, переступала на

цыпочках и кружилась под симфонию, звучащую внутри. Она знала: он не спит на их новом диване, а кушает ее синими, как небо в ясную погоду, глазами, поэтому своим движениям Людочка прибавила томности и неги.

Лежа на боку и подперев голову рукой, Дима действительно не сводил глаз с курносого чуда. Этот райский уголок в середине квартала сохранил признаки советской коммуналки: здесь все знали друг друга, да и жили одним кланом, только по разным квартирам. Двух- и трехэтажные домики самых странных архитектурных форм лепились кучно, словно боялись, что без обоюдной поддержки рухнут или их раздавят монументальные строения вокруг. Чтобы каменные массы не давили на мозг, каждую пядь свободной земли жильцы засадили деревьями, со временем те закрыли кронами убогие постройки и защитили от глаз из окон высоток. Весной здесь курорт, как сейчас: цветет сирень и жасмин, опьяняя ароматами, они просто одурманили Людочку, заставив нагой танцевать на балконе. Глупо и мило.

— Людаша, простудишься, — сказал Дима. — Еще холодно.

Ага, не спит! Тихо рассмеявшись, Людочка певуче промурлыкала:

— Не-ет... не простужусь... Я купаюсь в лучах луны... они ласкают меня... а ветерок, нежный весенний ветерок целует... От этого нельзя заболеть...

— Иди ко мне! — потребовал Дима.

Соблазнила! А ведь любовь — страстная, жгучая, горячая — уже была сегодня, но он снова позвал. Димка совершенно земной, он хочет земных наслаждений, а наслаждение — Людочка, ее губы, ее руки и тело. Она повернулась к нему лицом, взявшись за перила балкона, а в комнате темным-темно. Но зачем им свет? Она откинулась назад и, глядя в звездную бездну, сказала: